

К. И. Зубков

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург

РОЛЬ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РОССИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА

Ключевые слова: Северо-Запад Сибири, Север, Арктика, колонизация, традиция, экспедиция, торговля, Северный морской путь, ресурсное развитие, индустриализация.

Аннотация. В статье анализируются основные тенденции и этапы развития Северо-Запада Сибири как одного из ключевых полигонов формирования российской традиции развития Севера на всем протяжении его истории. Главное внимание уделяется взаимодействию двух факторов – ресурсно-экономического и транспортно-логистического, которые в основном определяли динамику освоения региона.

THE ROLE OF NORTH-WEST SIBERIA IN THE RUSSIAN TRADITION OF RESEARCHING AND DEVELOPING THE NORTH

Keywords: Siberian North-West, North, Arctic, colonization, tradition, expedition, trade, the Northern Sea Route, resource development, industrialization.

Abstract. The article analyzes the main tendencies and stages of development of the Siberian North-West as one of the key experimental ground for the formation of the Russian tradition of development of the North throughout its history. The main attention is paid to the interaction of two factors – resource-economic and transport-logistical ones, which mainly determined the dynamics of development of the region.

Примыкающий с востока к Уральскому хребту северо-западный угол Сибири может считаться колыбелью российской арктической политики даже с большим основанием, чем поморский Русский Север, который составлял самую древнюю область колонизации славяно-русским населением берегов Северного Ледовитого океана и потому, покрывшись сетью городов и погостов, уже представлял собой достаточно обжитую русскими и даже пробуждавшуюся к самостоятельной политической жизни провинцию Великого Новгорода (сепаратизм Двинской земли по отношению к своей метрополии). Северо-восточные же области новгородской колонизации (Печора, приуральская и зауральская Югра), несмотря на притязания Новгорода, в домонгольский период никогда не могли считаться вполне присоединенными и освоенными и представляли собой перманентный арктический «фронт», ряд характерных черт которого присущ северным окраинам и по сей день.

Присутствие там новгородцев имело в основном характер эпизодических военных экспедиций, которые совмещали в себе сопровождавшееся переменчивым успехом взимание дани с автохтонного населения и примитивный товарный обмен. Строгий анализ самых ранних летописных известий о проникновении новгородцев за Урал – отрывочного сообщения о походе новгородцев под предводительством Улеба (Ульфа Рагнвальдссона) к «Железным воротам» (1032 г.) [1, с. 52] и рассказа новгородца Гюряты Роговича о походе посланного им безымянного «отрока» в земли печоры, югры и самоеди (1096 г.) [2, с. 92-93] – заставляет признать, что эти предприятия, если и имели место, то едва ли достигали западных склонов Урала. Причудливое смешение ряда реалистических деталей этих описаний (обычай «немой» торговли, последовательность расселения народов и т. п.) с ходячими мифологическими сюжетами (миф о «нечистых» народах, запертых Александром Македонским в «полунощных странах», за высокими горами и специально сооруженными «вратами») уже у С. М. Соловьева вызывало глубокий скепсис относительно достоверности этих известий [3, с. 74].

Между тем, если упомянутые известия и не могут служить прямыми свидетельствами проникновения новгородцев в XI в. на территорию Севера Западной Сибири, то они определенно говорят о том, что посредством сети межплеменных торговых контактов, обменов скупой и часто искаженной информацией через ряд передаточных звеньев (разумеется, с расцвечиванием ее полусказочными сведениями) этот регион не только постепенно включался в свод географических, этнографических и культурных знаний домонгольской Руси, но и становился одним из фокусов притяжения ее торговой экспансии. Подобным образом можно охарактеризовать и степень ознакомления русских людей с Северо-Западной Сибирью, запечатленную в сказании «О человецех незнаемых в восточной стране», которое относится, предположительно, ко второй половине XIV – первой половине XV вв.: в кратком перечислении племенных разностей живущей за Уралом «самоеди», описании их занятий и образа жизни, необычных для внешнего наблюдателя. Экзотические, но вполне реалистические черты принимают в ряде случаев совершенно преувеличенный, искаженный и фантастический вид. По мнению Д. Н. Анучина, текст в целом еще отражает весьма поверхностный и опосредованный характер знакомства автора с описываемыми реалиями, напоминая путеводитель, составленный на основе своеобразно переосмысленных слухов и расспросов торговых посредников – зырян и югры [4, с. 5, 13-14]. Первое достоверное упоминание о непосредственном появлении новгородцев на Севере Западной Сибири – это упомянутый Новгородской 4-й летописью под 1364 г. военный поход на Обь под предводительством воевод Александра Абакуновича и Степана Ляпы, который, судя по использованной тактике (движение разделившейся рати вниз и вверх по течению реки) являлась типичным ушкуйническим набегом за добычей [5, с. 64-65].

Происходившее в XII–XIV вв. усиление – и даже своеобразное фокусирование – военно-экспедиционной активности и торговой экспансии Новгорода (а также Волжской Болгарии и, позднее, «низовой» – Московской – Руси) в Северном Приуралье (Печора), а затем – на Севере Западной Сибири имело, до известной степени, закономерный характер. Благополучие Новгорода, с его скудными, неплодородными почвами, зиждилось на функции посредника в сложной схеме товарообмена Руси со странами Европы: новгородцы получали продовольствие из «низовых» русских земель в обмен на «заморские» товары, шедшие из Европы, а последние, в свою очередь, выменивались новгородцами на высоко ценимые в Европе продукты северных промыслов – прежде всего, пушнину [6, с. 9]. При возрастающем и всё более рафинированном спросе на ценную северную пушнину на рынках Европы, происходило довольно быстрое исчерпание ее ресурсов в ближайших к Новгороду зависимых землях (Обонежье, бассейн Двины), а это последовательно сдвигало главный вектор новгородской колонизации на далекий северо-восток.

Оспаривая своеобразный торговый монополизм Новгорода, в этом же направлении развивалась экспансия Великого княжества Московского. Если промысловая экономика освоенных новгородцами территорий «ближнего» Севера приобрела уже многоотраслевой, комплексный характер (выварка соли, рыболовство, добыча ворвани и моржовой кости, лесозаготовки и смолокурение, охота, включая добычу массовых видов пушнины, и т.п.), то риски и трудности продвижения в отдаленные и суровые земли на северо-востоке, за Уралом, могли оправдываться уже одной только узкой, но сулящей высокие прибыли потребностью – стремлением отыскать новые богатые источники наиболее ценных, уже исчезнувших в старых землях видов пушного зверя. По замечанию Дж. Мартин, к середине XV в. новгородская колонизация, на закате своей активности, положила начало «традиции разведывания отдаленных и относительно неизвестных земель в поисках драгоценных мехов, в особенности соболя» [7, р. 80]. Вероятно, именно отсюда следует вести отсчет эпопеи пушной «лихорадки», благодаря которой в течение XVI–XVII вв. состоялось стремительное по историческим меркам присоединение к Русскому государству обширных территорий Северной Евразии – от Урала до Камчатки, а, в более широком историческом контексте, – утверждение ресурсной модели освоения северных и арктических территорий.

Во второй половине XV в. инициативу покорения зауральских земель «Югры» и «вогуличей» у Новгорода перехватывает Москва. Сообщения о целой серии организованных московской властью, а иногда и вполне самостоятельных (скорее всего, в порядке ответных акций на набеги из-за Урала) походов в «Югорскую землю», «на Обь великую реку» (1465, 1467, 1483, 1499 гг.) [8, с. 46, 49, 51, 91] рисуют уже совершенно новую историческую обстановку: уверенное продвижение русских ратей, указыва-

ющее на хорошее знание местности (по речным магистралям или «на лыжах пеши»), имеет целью попытки не только захватить добычу и «полон», но и утвердить вассальную зависимость югорских князей от Москвы и обложить их пушной данью. Символическим выражением этой зависимости должно было служить довольно раннее появление в титуле великого князя Московского наименований «Югорский» (1488 г.), «Обдорский», «Кондинский» (1514 г.) – гораздо раньше, чем такого рода притязания Москвы распространились на «Сибирскую землю» [4, с. 21-22]. Разумеется, по общим условиям эпохи – при трудностях коммуникации в северных местностях, отсутствии массового колонизационного притока населения и постоянных опорных пунктов, блокировании Казанским ханством выхода на Каму – утверждение господства Москвы над «Югорской землей» не могло не быть пока еще чисто номинальным, а, следовательно, – эфемерным и непродолжительным.

Этот момент ярко высвечивает выразительную особенность русской колонизации востока страны, характерную не только для ее раннего этапа (XV–XVII вв.), но и для позднейших эпох (XVIII–XX вв.). По своим условиям, темпам, движущим силам, способам освоения и результативности, этот процесс как бы естественно подразделяется на отдельные широтные зоны и, следовательно, отдельные потоки. По-видимому, эти различия вполне осознавались уже составителями «Книги Большому Чертежу» (1627 г.), которые, систематизируя сведения о землях по течению Оби и ее притоков, выделяли в низовьях реки «Обдорские городы», выше – «Югорские» и только к югу от них – собственно «Сибирь» [9, с. 168]. Д. Н. Анучин, разбирая особенности номинации отдельных областей Западной Сибири, подчеркивает, что различие «Югории» и «Сибири» отражало существенные различия в контекстах, хронологии и обстоятельствах вхождения этих топонимов в круг актуальных географических знаний русского человека XV–XVI вв. [4, с. 20-22], а, следовательно, и существенно разные типы колонизации.

Очевидно, что, подстегиваемая непрерывной погоней за богатыми «соболиными местами» и не встречающая сильного военного противодействия, колонизация северных территорий могла характеризоваться широким размахом и высокими темпами (и даже расцветом экономической активности – если вспомнить пример «златокипящей» Мангазеи), но, без удобных путей сообщения и надежных баз снабжения продовольствием, эта временная конъюнктура быстро сходила на нет при первых признаках истощения пушного ресурса. Даже беглое обозрение истории колонизации Сибири показывает, что скорость продвижения землепроходцев по северной кромке Евразии, в среднем на 20–30 лет, а порой и на полстолетия, опережала закрепление за Россией более южных территорий Сибири, расположенных на сопоставимой долготе. В случае Севера Западной Сибири этот временной лаг – между походами московских ратей в «Югорскую землю» в конце XV в. и походом Ермака – составлял целое столетие.

Этот опережающий темп продвижения на Севере имел определенное стратегическое значение, создавая своего рода геополитический «навес»

над более южными территориями Сибири и существенно влияя на возможности овладения ими. Пример успешного использования этого фактора – поход 1483 г. под предводительством князя Федора Курбского-Черного и Ивана Салтыка-Травина, когда, используя конфигурацию речной сети, московские воины, спустившись от устья Пелыма вниз по Тавде, «Сибирскую землю воевали, идучи, добра и полону взяли много», а затем, совершив своего рода круговой обход, по Иртышу и Оби снова ушли в «Югорскую землю» и оттуда в Устюг [8, с. 49]. Подобную же роль геополитического тыла Обский Север – еще не освоенный, но уже разведанный русскими людьми в части коммуникаций – играл много позднее, когда, по сообщению Есиповской летописи, остатки отряда Ермака (вероятно, вместе с остатками отряда воеводы Ивана Глухова) под натиском врага «изыдоша из града [Сибири, или Искера. – К.З.] тай поплыша вниз по Иртышу и по великой Оби, и через Камень бажаша к Руси». Тем же маршрутом, но с зимовкой в устье Иртыша, у Белых гор, совершился эвакуационный отход на Русь и отряда воеводы Ивана Мансурова [10, с. 63-64, 64-65, 185].

Однако для того, чтобы опережающее продвижение на Севере могло повлиять на ситуацию на сибирском «юге» не только в военно-стратегическом отношении, но и в более широком смысле – с точки зрения общего прогресса колонизации, требовалось нечто большее. Русский опыт освоения Сибири в целом показывает, что набиравшая темпы на Севере в XVI–XVII вв. погоня за пушными богатствами всё более настойчиво требовала развертывания экспансии в южном направлении для создания поддерживающих северное развитие баз снабжения продовольствием и разными припасами. Поскольку в конце XV в. условий для покорения не только Сибири, но и Казанского ханства, закрывавшего пути в Сибирь, еще не существовало, попытки утверждения власти Москвы в «Югорской земле» в целом обернулись историческим фальстартом.

Зато спустя сто лет корреляция и взаимодополняющий характер процессов развития северной и южной широтных зон для Севера Западной Сибири проявились особенно наглядно. Стоило только закрепиться политическому господству Московского государства на месте бывших центров Сибирского ханства «поставлением» Тюмени (1586 г.) и Тобольска (1587 г.), как за короткий срок в ключевых пунктах Обского Севера возникла целая сеть городков и острогов: Пелым (1593 г.), Березов (1593 г.), Сургут (1594 г.), Обдорск (1595 г.), Нарым (1596 г.), Верхотурье (1598 г.), Мангазея (1600 г.) [11, с. 44-45, 47, 48, 50-51]. Характерно, что на рубеже XVI–XVII вв. эта «достройка» системы опорных пунктов в северном направлении по своим темпам опережала дальнейшее движение русской колонизации на восток, создав в нем даже некоторую паузу.

Как результат, Север Западной Сибири в течение XVII и даже части XVIII вв. сохранял значение важнейшего очага колонизации Сибири (включая ее северные и арктические окраины), региона, в котором не толь-

ко концентрировалась тогда основная часть населения Азиатской России, но и генерировался богатейший опыт, управленческий и человеческий капитал, которые были важны для освоения востока. Во многом это, конечно, было обусловлено положением и статусом Тобольска как «стольного града» всей Сибири. Примечательно, что, согласно переписи 1710 г., в Сибири из общего числа подпавших под учет крестьянских и «разночинских» дворов – 37 096 – приходилось на освоенную ранее всего северную половину позднейшей Тобольской губернии приходилось 26 922 дворов – с наибольшими концентрациями вокруг Тобольска (18 135 дворов), Верхотурья (3 483), Тюмени (2 075), Тары (1 671), в то время как южные ее части еще почти не были заселены. Оставшиеся же около 10 тыс. дворов приходилось на всю огромную территорию от Томска и Кузнецка до Иркутска и Нерчинска! Эта ситуация начала заметно меняться лишь к концу XVIII в. Данные ревизии 1797 г., например, показали, что в Западной Сибири в 4-х южных уездах (без учета городов) – Ялуторовском, Курганском, Ишимском и Тарском – земледельческое население составило 262 152 души обоего пола, в то время как в заселенных много раньше 5-ти северных уездах – Тобольском, Туринском, Тюменском, Сургутском, Березовском – уже только 96 325 душ [12, с. 56-57, 58].

Своеобразным полигоном складывания российской традиции освоения высоких широт и фокусом притяжения исследовательских и экономических усилий Северо-Западную Сибирь, помимо территориальной близости к «коренной» России и социально-культурных накоплений ранней колонизации, делали особенности ее географического положения на узловом стыке двух созданных самой природой коммуникационных магистралей – морского пути вдоль северных берегов Сибири (в дальнейшем получившего название Северного) и Обь-Иртышской речной системы, связавшей «дорогами жизни» весь обширный Север Западной Сибири. В развитии российского Севера транспортно-коммуникационный фактор, наряду с добычей и коммерческим оборотом высокоценных ресурсов (таких, как пушнина), играл определяющую роль, а в тот длительный период, который последовал за исчерпавшей свой потенциал пушной «лихорадкой», выдвинулся на роль ведущей и, по существу, единственной мотивации, оправдывающей стратегический и практический интерес к Северу.

В XVI–XVII вв. именно благодаря освоенному русскими промышленниками морскому пути вдоль северного побережья Сибири, сквозь забитые льдами проливы и суровое Карское море, в низовьях Оби и в Тазовской губе – на первой удобной остановке на этом маршруте – стал возможен удивительный для условий изолированности и полной неосвоенности этого края расцвет пушного промысла и торгового транзита. О том, насколько значительно мог повлиять этот морской маршрут на размах и интенсивность пушной «лихорадки», говорят косвенные указания на то, что богатейший промысловый район вокруг Мангазеи усилиями русских

частных промышленников, удачно пользовавшихся отсутствием всякого правительственного контроля, формировался уже в 1570–1580-х гг., практически в одно время или даже раньше, чем состоялся поход Ермака в Сибирь [См.: 13]. Известно, что и знаменитые Строгановы, подготавливая поход Ермака, практически в это же время осваивали морской маршрут в устье Оби и даже вели там пушную торговлю [14, р. 105]. Немаловажным фактором, способствовавшим развитию морского «хода» в Сибирь, являлось то, что, по следам русских мореходов, вдоль ее северного побережья западноевропейскими мореплавателями в конце XVI – первой половине XVII вв. велись активные поиски Северо-Восточного прохода в Индию и Китай. Особый интерес иностранцев к проникновению в устье Оби при этом питался распространенной в то время географической иллюзией – представлениями о том, что широкая, полноводная Обь имеет не такое уж значительное протяжение и что вверх по ее течению можно легко добраться до ее истоков – мифического «Китайского озера», близ которого помещали столицу вождовенного Китая – город Канбалык (Пекин) [14, р. 117]. При этом иностранцы не упускали возможности включаться в поиски «соболиных мест» и участвовать в пушной торговле. Как ответ на это, русское правительство, стремясь установить жесткий контроль за поступлением пушнины на рынки России и Европы, запретило в 1620 г. «Мангазейский морской ход», дабы «Немецкие люди от Пустаозера и от Архангельского города в Мангазею дороги не знали и в Мангазею не ездили» [15, стлб. 1072-1074]. Эта мера, устранявшая возможность доступа иностранцев к пушным богатствам Севера, рикошетом ударила и по русскому полярному мореходству, способствуя его закату и тем самым быстрому угасанию Мангазейского «торга».

Однако, спустя столетие попытки устройства морских коммуникаций для связи с устьем Оби (как и других сибирских рек) возобновились. Известный парадокс заключался в том, что в то время, как к концу XVII в. поиски европейцами Северо-Восточного прохода вдоль побережья Сибири были оставлены, в России, переживавшей эпоху петровских реформ, они обрели второе дыхание – правда, уже в более продуманном и усовершенствованном виде. Идея достижения стран Востока сквозным морским путем вдоль северного побережья Сибири оказала большое влияние на Петра I и, как известно, вылилась после его смерти в подготовку Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. Однако, судя по предложениям, которые легли в основу этого проекта [16, с. 338; 17, с. 32-33], для организации морского пути вокруг Сибири предлагалось обеспечить его трассу целям рядом опорных (для зимовки, снабжения, ремонта судов и т.п.) и торговых пунктов, устроенных в устьях крупнейших сибирских рек, а для этого осуществить предварительно масштабные гидрографические и навигационные исследования, а также систематическое изучение самих прилегающих к побережью местностей. Замысел Великой Северной экспедиции, та-

ким образом, впервые ставил задачи систематического научного исследования северных окраин Сибири как предпосылки их развития, а также содержал в себе перспективную идею соединения преимуществ морских и речных коммуникаций и их развития как единой транспортно-экономической системы.

На Северо-Западе Сибири, в рамках Великой Северной экспедиции, за два навигационных сезона (1736–1737 гг.) отряду С. Г. Малыгина и А. И. Скуратова удалось пройти от Архангельска до устья Оби, а отряд Д. Л. Овцына после двух неудачных попыток совершил в 1737 г. плавание из Обской губы в устье Енисея. Эти разведки и исследования совершались при величайших трудностях и лишениях, причиной которых, как отмечал Ю. М. Шокальский, были не только низкие мореходные качества имеющихся судов и слабое знание ледовой обстановки, но и недостаточность опорной материковой базы, которую необходимо было подготовить в помощь экспедиции (устройство маяков, магазины с провиантом, подготовленные зимовки и т.п.) [18, с. 11, 15] – что отражало общее угасание торгово-экономической деятельности на Севере в начале XVIII в. Героические усилия экспедиции, не получив продолжения, остались в истории примером научного подвига; их опыт наглядно показывал, что коммуникационный фактор мог серьезно способствовать освоению Севера только при наличии достаточно сильных хозяйственных стимулов развития опорной территории.

После перерыва в несколько десятилетий новый взлет интереса к трассе будущего Северного морского пути как катализатора общего экономического и культурного развития Севера – уже с осознанной целью организации систематического торгового мореплавания в устья сибирских рек – пришелся на период с 1870-х гг. до начала XX в. В 1876 г. состоялось первое успешное плавание Э. Норденшельда и капитана Дж. Виггинса через Карское море в Енисейскую губу, и в этом же году капитаном Х. Далем при поддержке и на средства русского Общества для содействия русскому торговому мореходству были проведены гидрографические исследования в южной части Обской губы. В 1877 г. Х. Даль успешно привел в Обскую губу винтовой пароход «Луиза» с пробным коммерческим грузом, который затем был доставлен в Тобольск [19, с. 238-242]. Этими смелыми начинаниями была открыта целая серия плаваний иностранных и русских торговых судов через Карское море в устья Оби и Енисея. За период с 1876 по 1919 г. было совершено 122 плавания, из них 86 были успешными и только 36 – неудачными [20, с. 40].

Этот этап оживления арктического мореплавания у берегов Сибири приходился на период бурного роста международной торговли и складывания системы мирохозяйственных связей. Движущей силой организации экспедиций в устья сибирских рек, как правило, являлась заинтересованность представителей русского торгово-промышленного капитала в установлении прямых торговых связей Сибири с Европой и создании тем самым стимулов для развития промышленности на сибирском Севере.

Включение северных окраин Сибири в международные экономические связи знаменовало определенный сдвиг в российской стратегии освоения Сибири, формировало в этом развитии новые системные зависимости, та или иная комбинация которых в существенной степени могла влиять на тонус экономической жизни Севера. Вопрос о том, насколько регулярным и безопасным может быть торговое мореплавание через Карское море, дебатировался вплоть до начала XX в., но, помимо этого, успешность этих начинаний критически зависела от насыщения морской транспортной связи между Европой и Сибирью соответствующим грузопотоком в условиях, когда уже выявленные коммерчески ценные ресурсы на Севере России (нефть Ухты, лес, золото, курейский графит и др.) находились еще в стадии начальной разведки и разработки [19, с. 315-316]. Развитие Северного морского пути способствовало усилению систематических научных исследований на Северо-Западе Сибири, дало толчок созданию там транспортно-портовой инфраструктуры и вспомогательных отраслей (судостроение в Тюмени и Тобольске), но этого было недостаточно для ускорения развития региона. Остроту проблемы несколько снимала на рубеже XIX–XX вв. возможность организации крупного хлебного экспорта из Сибири по Северному морскому пути (для чего реки Обь-Иртышского бассейна, обнимая собой Зауралье, весь юг Западной Сибири и казахские степи, представляли наилучшие возможности), который предполагалось расширить за счет других товарных статей [21, с. 17-19], но для того, чтобы двинуть вперед экономическое развитие собственно Севера необходимо было более решительно развивать его собственный ресурсный потенциал.

На рубеже XIX–XX вв., с остановкой многовекового процесса колонизации, перед Россией объективно вставала проблема перехода к более глубокому изучению собственной территории и организации наиболее полного и рационального использования ее природных богатств. В особенности актуальной эта задача была для обширных периферийных территорий сибирского Севера с их суровыми природными условиями. Тем не менее, и применительно к таким территориям общей руководящей идеей являлась установка многих ученых и государственных деятелей на то, чтобы добиваться максимальной экономической отдачи от их лежащих втуне и почти не затронутых аграрно-промышленной деятельностью земель [22, с. 241-245]. Фактически, эта проблема довлела над развитием Севера Западной Сибири всю первую половину XX в. Так, после вхождения в 1923 г. в состав вновь образованной Уральской области всего Тобольского Севера (который составлял более половины ее территории), на основе имевшегося к тому времени опыта, обсуждались три возможных варианта его освоения: (1) «туземный», предусматривавший поддержку и максимально возможную степень автономного развития Севера; (2) «эксплуатационный», рассчитанный на скорейшее извлечение высоколиквидных ресурсов Севера для внешней торговли; (3) «ассимиляционный», предполагавший постепенное распро-

странение на Север области развитого хозяйства (в основном путем лесопромышленной колонизации). Из этих трех вариантов первый почти сразу отпал как утопический и рискованный с внешнеполитической точки зрения; второй – мог опираться только на продукцию отраслей промыслового хозяйства; третий уже к концу 1920-х гг. исчерпал себя из-за перемещения основного района лесозаготовок в Восточную Сибирь, а вывозных лесозэкспортных портов – в устье Енисея [См.: 23, с. 60-63, 69] В результате, в качестве руководящей основы арктической политики был принят смешанный, усредненный вариант, обернувшийся в дальнейшем медленным восстановлением и совершенствованием отраслей промыслового хозяйства и, фактически, длительной экономической маргинализацией Северо-Запада Сибири.

В отличие от соседних сегментов северной зоны, где еще в годы индустриализации были созданы важные промышленные очаги (уголь Воркуты, нефть Ухты, Норильский горно-металлургический комплекс), Северо-Западная Сибирь представляла собой, по выражению одного канадского историка, экономическую «тихую заводь» [24, р. 172]. На этом фоне тем контрастнее выглядит индустриальный и социально-культурный взлет, который испытала Северо-Западная Сибирь с 1950-х–1960-х гг., после открытия гигантских нефтяных и газовых месторождений. По своему значению это было настоящей экономической «революцией», ярко демонстрирующей, насколько определяющее значение для динамики развития Севера имеет ресурсный потенциал. Сегодня, когда в дополнение к дальнейшему развитию и модернизации мощностей нефтегазовой провинции Северо-Запада Сибири предпринимаются форсированные усилия по развитию трассы Северного морского пути, создаются самые благоприятные условия для развития этого региона за всю его историю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Полное собрание русских летописей. – Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – Текст : непосредственный.
2. Полное собрание русских летописей. – Т. 38. Радзивилловская летопись. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1989. – 178 с. – Текст : непосредственный.
3. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. – Т. 1-2 / С. М. Соловьев; Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев; Вступ. ст. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриева. – Москва: Мысль, 1988. – 797 с. – Текст : непосредственный.
4. Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецах незнаемых в восточной стране»: Археолого-этнографический этюд / Д. Н. Анучин. – Москва: Тип. и словолитня О. О. Гербек, 1890. – 89 с. – Текст : непосредственный.

5. Полное собрание русских летописей. – Т. 4. Новгородские и Псковские летописи. – Санкт-Петербург: Тип. Эдуарда Праца, 1848. – 380 с. – Текст : непосредственный.

6. Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья / С. Ф. Платонов. – Петербург: Изд-во «Время», 1923. – 79 с. – Текст : непосредственный.

7. Janet M. Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia / Janet Martin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 277 pp. – Direct text.

8. Полное собрание русских летописей. – Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1982. – 228 с. – Текст : непосредственный.

9. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. – 229 с. – Текст: непосредственный.

10. Полное собрание русских летописей. – Т. 36. Сибирские летописи. – Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – Москва: Наука, 1987. – 382 с.

11. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов. – Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. – 463 с. – Текст: непосредственный.

12. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете. – Ч. II / Ю. А. Гагемейстер. – Санкт-Петербург: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1854. – 697 с. – Текст : непосредственный.

13. Александров В. А. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края / В. А. Александров. – Текст : непосредственный // Сибирь в XVII–XVIII вв. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. АН СССР, 1962. – С. 7-29.

14. Bagrow L. A History of the Cartography of Russia Up to 1600 / L. Bagrow. – Wolfe Island (Ont.): The Walker Press, 1975. – 139 pp. – Direct text.

15. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – Т. 2. – Санкт-Петербург: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. – X, [2], XX с., 1228 стлб. – Текст : непосредственный.

16. Сказания о Московии / Яков Рейтенфельс, Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс. – Текст : непосредственный // Утверждение династии. – Москва: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. – С. 231-406.

17. Салтыков Ф. Изъявления прибыточные государству. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов. Неизданные их тексты / Ф. Салтыков, Н. П. Павлов-Сильванский. – Санкт-Петербург: Тип. В. Киришбаума, 1897. – С. 1-46. – Текст : непосредственный.

18. Шокальский Ю. М. Морской путь в Сибирь / Ю. М. Шокальский. – Санкт-Петербург: Тип. Морского министерства, 1893. – 54 с. – Текст : непосредственный.

19. Студитский Ф. Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. – Ч. I. / Ф. Д. Студитский. – Санкт-Петербург: Тип. Д. И. Шеметкина, 1883. – 320 с. – Текст : непосредственный.

20. Сибирцев Н. Северный морской путь и Карские экспедиции / Н. Сибирцев, В. Итин. – Новосибирск: Западно-Сибирское краевое изд-во, 1936. – 231 с. – Текст : непосредственный.

21. [Макаров С. О.] Отчет вице-адмирала Макарова об осмотре им летом 1897 года, по поручению Министра Финансов С. Ю. Витте, морского пути на реки Обь и Енисей / [С. О. Макаров]. – Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1898. – 81 с. – Текст : непосредственный.

22. Журавский А. В. Полярные окраины в новом освещении. Новые биогеографические формулы и проблемы / А. В. Журавский. – Текст : непосредственный // Известия Императорского Русского географического общества. – 1915. – Т. LI, вып. IV. – С. 237-245.

23. Зубков К. И. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири) / К. И. Зубков, В. П. Карпов. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. – 367 с. – Текст : непосредственный.

24. North R. N. Soviet Northern Development: The Case of NW Siberia / R. N. North. – Direct text // Soviet Studies. – 1972. – Vol. XXIV, No. 2. – P. 171-199.

УДК 94(571.122)

В. П. Карпов

Тюменский индустриальный университет

ПРОЕКТ «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ»

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Академия наук, издание, история.

Аннотация. В многотомном академическом издании 2024 года рассмотрена история Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с древнейших времен до настоящего времени. Предложена краткая характеристика восьмитомника. Показано, как шла подготовка издания, с какими трудностями столкнулись авторы, что удалось сделать в итоге.

PROJECT «ACADEMIC HISTORY OF YUGRA»

Key words: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra, Academy of Sciences, publication, history.

Abstract. The multi-volume academic publication published in 2024 examines the history of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra from an-